

Виктор Стукалов

Страничка из учебника

I

... Над Заречьем медленно занимался рассвет, осторожно окрашивая небосвод в нежно-розовый цвет. Ещё невидимое за горбатыми сопками восходящее солнце уже позолотило лёгкими мазками узкие полосы облаков на горизонте, безмолвно растворяя потускневшие созвездья на бледнеющем небе.

В предрассветных сумерках яркими огнями загорались окна притихших домов; из печных труб в чистое небо протянулись жиденькие струйки дыма, расстилаясь в безветрии над селом сизым покрывалом.

В весеннем морозном воздухе слышалась утренняя перекличка горластых петухов, да где-то на окраине села вдруг лениво залаяли собаки, пугая предрассветный покой.

...Подоив корову и осторожно держа в руке доёнку с молоком, Мария Свергунова с раздражением захлопнула калитку загона. Провожаемая мычанием коровы, Мария поднялась на крылечко дома и прошла на веранду. Поставив доёнку на стол, она резким движением убрала со

стола пустые бутылки и, прикусив губу, покосилась на дверь дома.

После вчерашнего обильного застолья по случаю неожиданного приезда её брата Валерия, муж оказался «не в форме» и теперь Марии пришлось выполнять и свои обязанности по дому, и обязанности мужа по хозяйству.

Процедив молоко и разлив его по банкам, она отжала марлю, через которую процеживала молоко, и с раздражением бросила её в тазик для стирки. Накрыв банки чистым полотенцем, Мария распахнула дверь в дом и решительно прошла в спальню.

На кровати, раскинув руки, похрапывая и хлопая губами при каждом выдохе, безмятежно спал муж.

Мария остановилась у кровати и, укоризненно покачав головой, резко наклонилась и тряхнула мужа за плечо: — Степан, а Степан, поднимайся! — Мария трясла мужа за плечо. — Вот, чёртяка, напился вчера, как сапожник...А ведь клялся, что больше в рот не возьмёт...У-у-у!.. Па-разит, ока-ян-ный!

Мария продолжала трясти мужа, ругая его и едва сдерживая кипевшее в ней негодование.

Вздрогнув, Степан зевнул, потянулся и повернулся к жене: — Маша..., а... а... что случилось?

Молча, с укоризной посмотрев на мужа, Мария подошла к окну и одёрнула на окнах занавески. Не оборачиваясь к мужу, с недовольством сказала: — Да ничего не случилось... Ты бы, Степан..., пока Валерий у нас..., съездили бы за кукурузой. Вдвоём-то сподручнее, да и Мишку с собой возьмите... Та, что ты раньше привёз, уже заканчивается... Ещё на два раза курей покормить осталось... — И повернулась к Степану: — Давай вста-вай! Я успела уже и корову подоить, и всё хозяйство накормить, и завтрак вам приготовить... Там... — она кивнула головой — у вас ещё осталось... после вчерашнего, допивайте — и за кукурузой... — И, выходя на кухню, уже с нескрываемым раздражением, повторила: — Давай вставай, чего разлётся..., как боров... А я пошла, Валерку и Мишку надо разбудить. Хватит им спать... День уже на дворе, а вы всё ещё дрыхните, как медведи в берлоге...

Остановившись в дверях, она обернулась к мужу и спросила: — Вам что-нибудь приготовить с собой на обед, или... вы так обойдётесь? Да..., ещё баньку вам приготовить? Если ба-ню топить, то пусть Валерка воды в обе бочки наносит, а уж растопить печь в бане я и сама смогу.

— Ну, приготовь что-нибудь..., — Степан поднялся с кровати и стал одеваться — мы, может, и потерпим, а вот Мишка..., этот проголодается...

А баньку..., баньку — это обязательно...

Из детской комнаты в трусах и майке вышел Валерий, зевая и потягиваясь на ходу, а следом за ним — Миша, двенадцатилетний подросток, такого же крепкого телосложения, как и Степан.

Мария уже накрывала стол, расставляя тарелки с разносолами, поставила начатую бутылку с водкой. Она с укоризной посмотрела на стоявшего в дверном проходе в спальню Степана, который никак не мог застегнуть пуговицы рубашки.

— Давайте, мужики, умывайтесь — и за стол, пока картошка горячая... — Мария поставила на стол большую миску горячей картошкой.

Сели за стол. Степан взял бутылку, повертел её в руках и выразительно посмотрел на Марию. Мария поняла его и резко повернулась к Степану: — Хватит, Стёпа, хватит... Вчера, как зюзики, надрались, а ведь клялся мне, что больше в рот не возьмёшь... Я уже не стала тебе ничего говорить, как-никак, брат приехал... А сейчас вам ехать надо. — И Мария поставила на стол две стопки.

Степан внимательно посмотрел на неё, потом на Валерия и разлил водку по стопкам.

— Степан, — Мария обернулась к мужу — может быть, ты возьмёшь в конюшне две лошади... На двух-то подводах вы кукурузы больше привезёте, пока Валера здесь — он тебе поможет. Как, ты думаешь, Степа?... А ты, Валера,

поможешь? Две телеги-то лучше, чем одна?

Степан поднял голову, посмотрел на Валерия, ожидая поддержки, и, снова опустив ложку в тарелку, молча кивнул головой. Валерий тоже согласился, объяснив это тем, что желает немного после города проветриться с пользой для дела.

...После завтрака, допив остатки водки, оставшейся после вчерашнего застолья, Степан заторопился в конюшню запрягать лошадей, а Валерий остался дома, чтобы наносить в баню воды и дров, помочь Марии по хозяйству.

Валерий уже укладывал сумку с обедом, когда к дому по-дошли две лошади, запряжённые в телеги. Уздечка второй лошади была привязана к задку первой телеги.

— А ты, чего это в телеги-то лошадей запряг? Снегу-то вон ещё сколько... — Валерий с недоумением посмотрел на Степана, влезая на первую телегу.

— Это здесь снег ещё лежит, а там, на поле — снег где есть, а где он уже и растаял... Да, и чёрт его знает, на чём сейчас ездить: если на санях — то снегу почти нет, а если на телеге — то снег мешает... Вот и думай... Ладно, потихоньку будем ехать там, где снегу нет... — Степан подождал, пока Миша влезет в телегу, и скомандовал: — Ну, тронулись! — хлопнул вожжами по крупу лошади.

Повозки, тихо поскрипывая колёсами,

медленно тронулись по улице, пока не скрылись за поворотом.

Мария, проводив их долгим взглядом и закрыв калитку, направилась в дом.

Солнце уже поднялось над сопками, когда две подводы выехали за околицу села. Косые лучи солнца заиграли яркими бликами на тоненьких корочках льда замёрзших луж, рассыпались сверкающими искорками по насту¹ островов подтаявшего снега, местами ещё лежащего на полях.

Была уже вторая половина марта. Припоздавшая весна уже уверенно вступала в свои права. Воздух был настоян на пряных запахах прелых листьев и земли, прогреваемой солнцем на открытых возвышенных местах; в низинах, в овражках и в густых зарослях кустов ещё лежал толстым слоем уже не по-зимнему потемневший снег. На растущих вдоль дороги вербах и кустах набухли почки, посеребрив ветви, а в зарослях кустов уже звонко пересвистывались птицы.

Две лошади, понунив головы, медленно тянули телеги. Под металлическими ободьями колёс хрустел снег, покрытый тонкой корочкой наста и прихваченная ночными морозами

¹ наст — твёрдая корка на снегу после короткой оттепели.

обнажённая на пригорках земля.

Зевнув и разгоняя дремоту, Валерий повернулся к Степану — Слышь, Стёпа, а что там... кукуруза..., откуда она там взялась?

Степан обернулся к шурину и, достав из кармана почку сигарет, протянул её Валерию: — Тут, Валера..., такое дело... — взяв из рук Валерия пачку сигарет, он достал одну и спрятал пачку в карман. — Четыре года назад за Сухой балкой осушили Кузину марь... Место было сырое, но мелиораторы справились. — Степан не спеша закурил и, пустив облачко сизого дыма, продолжил: — Земля там очень хорошая... Ей бы ещё годков пять постоять после осушения, ну... там..., под сенокос пустить... или под пастбище... — Он сделал затяжку, стряхнув пепел: — Но в райкоме разве утерпят, чтобы земля пустовала? Решили рискнуть... Говорили что Дальний Восток — регион рискованного земледелия... Ну, рискнули — через год после осушения посади-ли кукурузу. В первый же год она так уродила, что никто поверить не мог! Никогда такого урожая кукурузы не было!

В прошлом году решили снова посадить, но уже на силос и сеяли вместе с соей. — Степан снова затянулся и, не выпуская сигарету изо рта, продолжал: — А тут, как на грех, на всё лето затяжные дожди пошли, земля так раскисла, как

манная каша стала. Ну, комбайны сунулись и завязли в грязи по ступицы колёс... Генка Никишин на своём «Беларусе»² с «Херсонцем»³ на прицепе сунулся на поле и завяз. Двумя тракторами тянули, еле вытащили... Так, та кукуруза так и осталась под зиму. Мужики ещё смеялись, говорили: — В нашем совхозе новый сорт кукурузы вывели — ещё снег не сошёл, а она уже растёт... Эту кукурузу теперь жители соседних сёл растаскивают на корм домашнему скоту... Стебли на соломорезке режут, запаривают и на корм коровам, початки свиньи жрут, а дроблёное зерно домашней птице скармливают...

Они замолчали. Степан, постоянно облизывая пересохшие губы, часто сплёвывал. После вчерашнего застолья по случаю приезда шурина, Степан «хватил лишка» и теперь чувствовал себя отвратительно: его мутило, а во рту было сухо, как будто рот был залит клеем. «Принятые на душу» утром сто грамм не помогали, а наоборот, усилили нестерпимое желание повто-рить...

² «Беларусь» — марка колёсных тракторов МТЗ-50 — МТЗ-82;

³ «Херсонец» — прицепной кукурузоуборочный комбайн, предназначен для уборки кукурузы на зерно и силос

— Вот, чёртова баба! — пожаловался Валерию Степан. — По-жалела ещё по стопке налить. А теперь, вот мучайся целый день...

Валерию тоже было несладко, но он молчал, с тоской при-слушиваясь к ворчанию зятя. Ему тоже очень не хотелось под-ниматься рано утром с тёплой и мягкой постели и ехать куда-то, к чёрту на кулички, за кукурузой, которую он не сажал и не сеял. Но, отказать в помощи сестре Валерий не мог. Теперь, со скучающим видом, насупившись как сын, он молча смотрел по сторонам, разглядывая унылый весенний пейзаж, прислушиваясь к скрипу колёс и похрапыванию лошадей.

По обе стороны дороги, которую можно было узнать толь-ко по отсутствию растительности, раскинулись поля с чёрны-ми плешинами протаявшей земли, резко выделяющимися на тёмном снегу, да небольшие овражки с густыми зарослями кустов и редкими куртинами корявых деревьев. И каждый та-кой овражек или низина были чем-то вроде межи, разделяю-щей поля на неравные части. И чем дальше они отъезжали от села, тем чаще попадались им такие межи, пока, наконец, не слились в одну сплошную лесополосу с узкой просекой доро-ги.

— Ну, вот..., подъезжаем... — Степан хлестнул вожжами ло-шадь, и она прибавила шаг. — Во-он там, видишь — он обернул-ся к

Валерию — невысокая, такая сопочка — Степан показал ру-кой — это Дунькин пупок, а правее её — и есть Кузина марь, где кукурузное поле... А левее, под самой сопкой, гречишное по-ле и там стоит пасека Тихона Глушко. На сопке много липы, клёны растут..., тоже медоносы, да по берегам Гнилой прото-ки много разных ив растёт, а они пергу дают пчёлам.

Валерий выбросив окуроч, с интересом следил за рукой Степана.

— А под самой сопочкой — Сухая балка, которая упирается в Гнилую протоку... — он повернулся к Валерию и, видя его не-поддельный интерес, продолжал — они, и Сухая балка и Гни-лая протока когда-то были одной рекой, но когда, много лет назад, стали раскорчёвывать лес под поля, то всё порушили, речка местами пересохла... Так вот и получилось Сухая бал-ка... — Степан дёрнул вожжами, погоняя лошадь, и показал ру-кой на темнеющий вдали лес: — А, во-о-он за тем лесом проте-кает река. Да, ты её по мосту переезжал, когда к нам ехал... Так, вот она, в большую-то воду, разливается и заполняет Гни-лую протоку, а когда вода в реке падает, то в Гнилой протоке вода так и остаётся до следующего половодья, а это может быть и через год, а может и больше... Земля вокруге так про-питалась водой, что уже не высыхает... Вот поэтому там и